

рыбака и приходит к нему каждое воскресенье, любит эту косу не менее, чем она любит самого рыбака. Вслед за тем на каждой странице рассказа вы поражаетесь совершенно неожиданным разнообразием тонких черт, которыми обрисована любовь Мальвы, этой странной и сложной натуры, а также поражаетесь непредвиденными положениями, в которых обрисовываются пред вашими глазами в короткий промежуток нескольких дней бывший крестьянин-рыбак и его сын крестьянин. Разнообразие черточек, то утонченных, то животно-грубых, то нежных, то почти жестоких, какими Горький обрисовывает чувства своих героев, чрезвычайно велико.

Горький — несомненно большой художник, и притом — поэт; но он также результат того длинного ряда беллетристов-народников, которых мы имели в России за последние пятьдесят лет. Горький воспользовался их опытом. Он наконец нашел то счастливое соединение реализма с идеализмом, за которым русские беллетристы-народники гнались столько лет, хотя надо сказать — как это замечает мне переводчик этой книги, — что это соединение уже было найдено Гоголем, Тургеневым, Толстым и т. д. Решетников и его современники пытались, описывая народ, писать повести ультрареалистического характера, избегая малейшего следа идеализации. Они сдерживали себя, когда чувствовали склонность к обобщению, к творчеству, к идеализации. Они пытались писать лишь дневники, в которых события, крупные и мелкие, значительные и ничтожные, изображались бы с одинаковой точностью, даже без изменения тона рассказа. Мы видели, что этим путем силой их таланта им удавалось получать чрезвычайно острые эффекты; но, подобно историку, который тщетно пытается быть «беспартийным» и в конце концов все же оказывается человеком партии, они не могли избежать той идеализации, которой так боялись. Художественное произведение всегда неизбежно носит личный характер; как бы ни старался автор, но его симпатии отразятся на его творчестве, и он будет идеализировать то, что совпадает с его симпатиями. Горький перестал бояться такой идеализации. Григорович, например, идеализировал всепрощающее терпение и выносливость русского крестьянина; и даже Решетников, совершенно бессознательно и, может быть, против собственной воли, идеализировал почти сверхъестественную выносливость, которую ему пришлось наблюдать на Урале и в бедных кварталах Петербурга. Таким образом, и ультрареалист, и романтик — оба впадали в некоторую идеализацию. Горький, по-видимому, понял это; во всяком случае, он не имеет ничего против известной идеализации. В его приверженности к правде он почти так же реалистичен, как Решетников; но он повинен в идеализации в той же мере, как и Тургенев, когда он рисовал Рудина, Елену или Базарова. Он даже идет дальше, говоря, что мы должны идеализировать, и для идеализации он выбирает среди бродяг и босяков, которых он сам знал, тип, вызывающий его наибольшее сочувствие, — мятежный тип. Этим и объясняется его успех. Оказалось, что читатели всех наций бессознательно ждали появления подобного типа в литературе, как облегчения от скучной посредственности и отсутствия яркой индивидуальности в окружающей их среде.

Слой общества, из которого Горький взял героев для своих первых рассказов, — а именно в больших рассказах проявляется с особенной силой его талант, — это бродяги южной России: люди, оторвавшиеся от общества, никоим образом не желающие налагать на себя иго постоянной работы, работающие как случайные рабочие в портовых городах Черного моря, — люди, ночующие в ночлежных домах или где-нибудь в загородных канавах и шатающиеся летом из Одессы в Крым и из Крыма в степи Северного Кавказа, где они всегда находят работу во время страды.

Вечная жалоба о нищете и неудаче, беспомощность и безнадежность, являющиеся преобладающей нотой в произведениях ранних беллетристов-народников, совершенно отсутствуют в рассказах Горького. Его бродяги не жалуются.

«— Все в порядке, — говорит безрукий, — ныть и плакать не стоит — ни к чему не поведет. Живи и ожидай, когда тебя изломает, а если изломало уже — жди смерти! Только и есть на земле всех умных слов. Поняли?» («Тоска», 1,311).

Вместо плача и жалоб о тяжелой судьбе у бродяг Горького звучит освежающая нота энергии и смелости, совершенно новая в русской литературе. Его босяки и бродяги — нищенски бедны, но им на это «наплевать». Они пьянствуют, но это вовсе не то мрачное пьянство отчаяния, которое мы видели у Левитова. Даже один из наиболее униженных из них, вместо того чтобы подобно героям Достоевского превращать свою беспомощность в добродетель, мечтает о пересоздании мира и об обогащении его. Он мечтает о моменте, когда «мы, бывшие бедняки, уйдем, обогатив бывших Крезов богатством духа и силою жить» («Ошибка», I, 170).

Горький не выносит хныканья; он не выносит самобичевания, столь сродного некоторым писателям, так поэтически выражаемого тургеневскими гамлетизированными героями, возведенного в